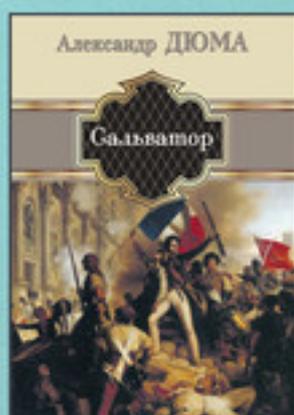

Александр Дюма

Сальватор. Книга V

*Часть сборника
Сальватор*

Александр Дюма Сальватор. Книга V

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6452615
Сальватор: РИМИС; М.:; 2014
ISBN 978-5-906122-07-0*

Аннотация

Вниманию читателя, возможно, уже знакомого с героями и событиями романа «Могикане Парижа», предлагается продолжение – роман «Сальватор». В этой книге Дюма ярко и мастерски, в жанре «физиологического очерка», рисует портрет политической жизни Франции 1827 года. Король бессилён и равнодушен. Министры цепляются за власть. Полиция повсюду засылает своих провокаторов, затевает уголовные процессы против политических противников режима. Все эти события происходили на глазах Дюма в 1827—1830 годах. Впоследствии в своих «Мемуарах» он писал: «Я видел тех, которые совершали революцию 1830 года, и они видели меня в своих рядах... Люди, совершившие революцию 1830 года, олицетворяли собой пылкую юность героического пролетариата; они не только разжигали пожар, но и тушили пламя своей кровью».

Содержание

Глава CXXXIV	5
Глава CXXXV	12
Глава CXXXVI	19
Глава CXXXVII	29
Глава CXXXVIII	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Дюма Сальватор. Книга V

Глава СXXXIV

В которой начинает блекнуть звезда Камила

Вы, конечно же, помните, дорогие читатели, – а если нет, то я постараюсь помочь вам вспомнить – ту молодую и красивую креолку из Гаваны, которую я как-то представил вам. Да, конечно, сделал я это мимоходом, но вы должны были запомнить ее под именем госпожи де Розан, когда она появилась в гостиной госпожи де Моранд в тот самый вечер, когда Кармелита исполняла романс об иве.

Как мы уже говорили, появление ее там, и мы повторяем это, произвело на всех гостей необычное действие.

Представленная свету как протеже госпожи де Моранд, то есть одной из очаровательных повелительниц высшего общества, прекрасная креолка за несколько дней стала самой модной красавицей, которую стали отчаянно зазывать во все парижские салоны.

Темна, словно ночь, розовая, как восток, с глазами, полными молний, и чувственными губами, госпожа де Розан своими взглядами, улыбками влекла к себе не только мужчин, но и женщин. И поэтому, стоя посреди какой-нибудь гостиной, она походила на планету в окружении звезд.

О ней говорили, что она одержала тысячу побед, не зная ни единого поражения. И это было правдой. Живая, пылкая, страстная, она, сама, возможно, того не желая, была вызывающе красива. И если в ее облике было немного явного кокетства, то совсем чуточку. А если она, как говорил, проявляя больше образность, чем хороший вкус, Камил, и позволяла мужчинам позабавиться багателью перед дверью, она умела останавливать их даже раньше того, как они ступали на порог. Секрет ее добродетели заключался в ее любви к Камилу. И позвольте нам мимоходом отметить, поскольку мы полагаем, что для этого сейчас самый удобный момент, именно это и является секретом добродетельности женщины: когда сердце любит, тело остается чистым и неприкосновенным.

Такова была госпожа де Розан: она была влюблена в своего мужа. Более того, она его обожала. Конечно, признаем, что объект ее обожания того не заслуживал, особенно если вспомнить то, о чем мы поведали вам в предыдущей главе, но ее вполне могут понять те, кто не забыл тот внешний лоск, ту привлекательность, которыми природа наградила Камила при его рождении.

И мы видели на протяжении нашего повествования, как Камил, молодой, красивый, скорее капризный, чем благородный, скорее забавный, чем остроумный, в достаточной мере отлакированный парижской жизнью и в то же самое время легкомысленный, фривольный, взбалмошный, веселый до безумия, сумел понравиться всем женщинам и в частности одной девушке, одновременно апатичной и страстной, жаждавшей наслаждений и с нетерпением их ожидавшей.

Таким образом, все победы госпожи де Розан были выдуманы. Она преданно складывала к ногам своего мужа всю завоеванную ею славу. Но мы чуть дальше увидим, почему эта влюбленная и пользующаяся таким успехом креолка оставалась, несмотря на славу, в такой глубокой тоске, что можно было предположить у нее какой-то тайный недуг души или же тела. Это было замечено в нескольких салонах: все обратили внимание на ее бледность и черные круги под глазами. Одна ревнивая помещица стала уверять всех, что у креолки больные легкие. Один отвергнутый влюбленный пустил слух, что у нее есть любовник. Другой оказался более милосердным и обнаружил, что муж поколачивает ее. Некий врач-материалист стал обвинять, нет, скорее жалеть ее за то, что она слишком строго сохраняет

супружескую верность. И наконец, у всех было свое мнение на этот счет, но все они были далеки от истины.

А теперь, если читателю угодно будет проследовать за нами в спальню молодой красивой женщины, он узнает через несколько минут, если он ни о чем еще не догадывается, тайну этой грусти, которая начала серьезно беспокоить весь Париж.

Вечером того дня, когда состоялись похороны господина Лоредана де Вальженеза, то есть спустя сутки после сцены, о которой мы рассказали в предыдущей главе, жена Камила де Розана, утонув в кресле, обтянутом розовым бархатом, занималась самым необычным делом, которым может только заняться красивая женщина в своей спальне в час ночи. В то время, когда любая другая женщина возраста и красоты несравненной Долорес должна была бы лежать в постели с лицом, полным мечтаний и с многообещающей улыбкой на устах.

Сидя перед маленьким лакированным китайским столиком, она была занята тем, что заряжала пару прелестных пистолетов с рукояткой из черного дерева и стволами из дамасской стали с золотыми насечками. В ее красивой мраморной ручке пистолеты эти смотрелись довольно необычно и странно.

Зарядив эти пистолеты с правильностью и четкостью действий, которые сделали бы честь директору тира, госпожа де Розан проверила работу курков. Закончив эту проверку, она положила пистолеты по правую руку, а в левую руку взяла маленький кинжал.

В руках красивой креолки этот кинжал не выглядел опасным: ножны его были сделаны из серебра с золотой чернью, прекрасно изваянный стальной набалдашник был умело инкрустирован драгоценными камнями. Таким образом, это произведение рук золотых дел мастера походило скорее на дамское украшение, чем на смертоносное оружие. И все же при виде молний, которые полыхали из ее глаз, когда она смотрела на лезвие кинжала, становилось как-то не по себе, и трудно было сказать, что сверкало более опасными лучами: кинжал или ее глаза.

Проверив кинжал столь же тщательно, как до этого она осмотрела пистолеты, Долорес положила его на столик, сдвинула брови к переносице, уселась поудобнее в кресло, скрестила руки на груди и погрузилась в задумчивость.

В этой позе она просидела почти десять минут. И тут в коридоре, который вел к ее спальне, послышались звуки знакомых шагов.

– Это он, – сказала она.

И проворно выдвинула на себя ящик столика, положила в него пистолеты и кинжал, задвинула ящик на место, закрыла его на ключ, вынула ключ и положила его в карман своего домашнего халата.

И быстро встала. В комнату вошел Камил.

– Это я, – сказал он. – Как! Ты еще не спишь? Ведь уже так поздно, лапочка!

– Не сплю, – холодно ответила госпожа де Розан.

– Но ведь уже час ночи, милое дитя, – сказал Камил, целуя ее в лоб.

– Я знаю, – ответила она все тем же холодным тоном.

– Ты, значит, где-то была? – спросил Камил, бросая свой плащ на двухместный диванчик.

– Нет, я не выходила из дому, – лаконично ответила госпожа де Розан.

– Значит, у тебя были гости?

– Никого у меня не было.

– И ты не ложилась спать до такого времени?

– Как видите.

– А что же ты делала?

– Ждала вас.

– Но я никогда раньше не замечал за тобой такой привычки.

– Когда привычки плохи, их следует менять.

– О! Каким трагическим тоном ты это говоришь! – произнес Камил, начиная раздеваться.

Ничего не говоря в ответ, госпожа де Розан уселась на прежнее место.

– Что же ты? – спросил Камил. – Спать ты разве не собираешься?

– Нет. Мне надо с вами поговорить, – сказала креолка глухим голосом.

– Черт возьми! Ты, наверное, хочешь сообщить мне нечто весьма печальное, коли говоришь таким голосом.

– Очень печальное.

– Что же случилось, дорогая? – спросил Камил, приближаясь к ней. – Не заболела ли ты? Может, получила плохое известие? Но что же произошло?

– Произошло то, – ответила креолка, – что происходит почти ежедневно. Я не получила никаких дурных известий и не больна. В том смысле, в котором вы думаете.

– Тогда почему же у тебя такой траурный вид? – спросил с улыбкой Камил. – А может быть, – добавил он, пытаясь обнять жену, – ты грустишь о нашем бедном друге Лоредане?

– Мсье Лоредан не был *нашим* другом. Мсье Лоредан был *вашим* приятелем. И поэтому я не могу грустить по причине его смерти.

– Ну, тогда я вообще ничего не понимаю, – сказал Камил, бросая сюртук на кресло. Ему уже надоело так долго вести столь мрачный разговор.

– Камил, – спросила госпожа де Розан. – Вы не замечаете, что со мной за эти несколько недель произошли некоторые перемены?

– Честное слово, нет, – ответил Камил. – Ты по-прежнему очаровательна.

– И вы не видели моей бледности?

– Парижский климат такой коварный! Кстати, хочу сказать тебе вот что: тебе очень идет эта бледность. И если я что-то и заметил, так это то, что ты день ото дня становишься все красивее!

– А круги под моими глазами? Разве они не говорят о бессонных ночах?

– Честное слово – нет! Я полагал, что ты специально их красишь. Теперь это модно.

– Камил, бедный мой друг, вы эгоист или очень фривольный человек, – произнесла молодая женщина, качая головой.

По щекам ее скатились две слезинки.

– Ты плачешь, любовь моя? – спросил Камил с удивлением.

– Да посмотри же на меня, – сказала она, направляясь к нему и складывая молитвенно руки, – я умираю!

– О! – сказал Камил, пораженный бледностью и зловещим выражением лица жены. – Ты и впрямь кажешься очень больной, моя бедная Долорес.

Обняв ее за талию, он сел и попытался было усадить ее к себе на колени.

Но молодая женщина вырвалась из его объятий, резко отстранилась и бросила на него гневный взгляд.

– Хватит мне лгать! – сказала она яростно. – Я устала от своего молчания, и мне стыдно за него. И теперь я желаю, чтобы вы дали объяснения.

– Какие объяснения ты хочешь от меня получить? – спросил Камил таким естественным тоном, словно был и вправду удивлен требованием жены.

– Это проще простого: объясни свое поведение, начиная с того дня, когда ты впервые оказался в особняке Вальженезов.

– Опять какие-то подозрения! – сказал Камил с нетерпением в голосе. – Я-то полагал, что мы с тобой на этот счет объяснились.

– Камил, мое доверие к тебе было таким же огромным, как и моя любовь. Я задала тебе вопрос относительно твоих отношений с мадемуазель Сюзанной де Вальженез, и ты

ответил мне, что ты испытываешь к ней только лишь симпатию и чисто братские чувства и что она отвечает тебе тем же. Я любила тебя и готова была поверить всему, что бы ты ни сказал. И я поверила твоим словам.

– И что же дальше? – спросил американец.

– Подожди, Камил. Готов ли ты подтвердить сегодня ту клятву, которую ты дал мне четыре месяца тому назад?

– Вне всякого сомнения.

– Значит, ты и сегодня любишь меня так же сильно, как год тому назад, то есть как в день нашей свадьбы?

– Чутьочку сильнее, чем год тому назад, – ответил Камил развязным голосом, который до странности резко контрастировал с хмурым выражением лица его жены.

– А мадемуазель де Вальженез ты, значит, не любишь?

– Естественно, дорогая моя.

– И сможешь в этом поклясться?

– Клянусь, – со смехом произнес Камил.

– Нет, так не клянутся. Таким тоном клятвы не произносятся. Ты должен поклясться торжественно, перед Богом.

– Клянусь в этом перед Богом, – ответил Камил, уже давший нам доказательства серьезного его отношения к клятвенным заверениям в любви.

– Так вот, перед лицом Всевышнего я заявляю тебе, Камил, – воскликнула креолка с выражением глубокого презрения, – что ты лжец, подлец, клятвопреступник и изменник!

Камил вздрогнул и открыл было рот, чтобы что-то сказать. Но молодая женщина царственным жестом заставила его замолчать.

– Ведь я уже сказала вам: хватит мне лгать! Мне все известно! За те несколько дней, которые я слежу за вами, я видела, как вы неоднократно входили в особняк Вальженезов и выходили из него. А посему не позорьтесь и не утруждайте себя новым притворством.

– О! – нервно произнес Камил. – Вам ведь прекрасно известно, милочка, что мне подобные сцены не нравятся. Давайте предоставим обсуждать все эти недоразумения мещанам и деревенщине и останемся в отношении друг друга тем, кем мы являемся в свете, то есть хорошо воспитанными людьми. Между мной и мадемуазель де Вальженез ничего нет. Я тебе в этом поклялся, могу поклясться еще раз. И мне кажется, тебе этого должно быть достаточно.

– Ну, это уже верх наглости! – вскричала креолка, выведенная из себя тем легким тоном, с которым Камил говорил о ее боли. – А что ты скажешь на это?

И, достав из-за корсажа письмо, она живо развернула его и, не глядя в текст, повторила наизусть его содержание:

«Камил, милый Камил, где бы ты сейчас ни находился, я всюду вижу одного тебя, слышу только тебя и думаю только о тебе».

– О! Теперь настал мой черед сказать вам: «Довольно!» – вскричал Камил, с яростью вырвав письмо из рук креолки и разорвав его на мелкие кусочки.

– Рвите, рвите, – произнесла она. – К несчастью моему, я знаю его наизусть.

– Значит, вам было мало того, что вы шпионили за мной? Вы распечатываете адресованные мне письма или вскрываете ящики, где хранятся мои документы? – воскликнул Камил со ставшим пунцовым от ярости лицом.

– Да... Ну, и что с того?... Да, я слежу за тобой. Да, я за тобой шпионю. Да, я вскрываю адресованные тебе письма. Да, я открываю твои замки! Несчастный, ты что же, не знаешь меня? Посмотри мне в лицо. Неужели я похожа на женщину, которой можно безнаказанно изменять?

При всей ее красоте в этот момент на нее было страшно смотреть. Художник нашел бы в диком выражении ее глаз и в сильном сокращении мышц ее лица великолепную модель для написания портрета Медеи или Юдифи.

Камил, увидев ее в таком состоянии, отступил на шаг. Он был слегка напуган и не находил слов. Но, чувствуя всю опасность сложившейся ситуации и понимая, что если молчание продлится еще хотя бы секунду, то произойдет нечто ужасное, он постарался высказать комплимент.

– О, как ты прекрасна в гневе! – воскликнул он. – Но подумай хорошенько и сравни себя с другими женщинами: есть ли кто красивее тебя? Может ли кто-нибудь из них быть любимее и желаннее тебя?

– Мне недостаточно того, что я более желанна, чем другие, – гордо произнесла креолка. – Я хочу быть единственной и самой любимой.

– Но именно это я и хотел сказать, – произнес Камил.

– Вот как? – сказала Долорес. – А теперь, когда у меня на руках есть все доказательства, будешь ли ты пытаться отрицать, что у тебя интрижка с этим злобным созданием?

Слово *создание*, применимое к его возлюбленной Сюзанне, задело Камилу. Он нахмурился, но ничего не сказал в ответ.

– Да, – повторила Долорес, – да, она – злобное создание! Только это слово и подходит для определения ее характера. О, я знаю ее так же хорошо, как и вы. Больше, чем вы. И, возможно, лучше, чем вы. Для того, чтобы узнать ее, мне хватило одного вечера.

И на лице молодой женщины, когда она произносила эти слова, столь малозначительные с виду, как бы пробежало облачко стыда.

Тем временем Камил, придумав уловку, позволявшую ему вывернуться, перешел к решительным действиям.

– Послушай, – сказал он молодой женщине. – Должен тебе признаться, хотя то, что я тебе сейчас скажу, и выглядит несколько неделикатно, что Сюзанна и впрямь в некотором роде влюблена в меня.

– Так ты ее любишь? – вскричала креолка. – Значит, ты признаешься в том, что влюблен в нее?

– Мы не вольны, дружок, внушать или не внушать любовь другим людям, – ответил Камил. – А кроме того, – философски добавил он, – разве человек не волен сам выбирать, любить ему кого-то или не любить?

– Так ты любишь мадемуазель Сюзанну де Вальженез или нет? – спросила Долорес, которая решила не давать Камилу возможности отвертеться.

– Я не люблю ее... Ведь любить можно по-разному. Поскольку она – сестра моего друга, я не могу ненавидеть ее.

– Влюблен ли ты в мадемуазель Сюзанну де Вальженез? Другими словами, является ли мадемуазель Сюзанна де Вальженез твоей любовницей?

– Любовницей?

– Поскольку я – твоя жена, она может быть тебе только любовницей.

– Нет, конечно. Она мне не любовница.

– И ты не влюблен в нее?

– Влюблен? Нет!

– Мне очень бы хотелось в это верить.

– Ну, и слава богу, – сказал Камил, протягивая к жене руки.

– Постой, Камил. Я хочу тебе верить, но мне нужны доказательства.

– Какие же?

– Давай уедем отсюда.

– Как это – уедем? – удивленно воскликнул Камил. – Зачем же нам уезжать?

– Затем, что было бы нечестно заставлять мучиться мадемуазель де Вальженез. Ты говоришь, что она тебя любит. Значит, она на что-то надеется. Но поскольку ты-то ее не любишь, она страдает. Есть только один способ покончить с надеждами и страданиями: уехать отсюда.

Камил попытался свести это в шутку.

– Допустим, что отъезд может быть разрешением этой проблемы, – сказал он. – Мы видим пример такой развязки во многих комедиях. Но ведь еще надо знать, куда ехать.

– Поедем туда, где нас любят, Камил. Место, где нас любят, и есть настоящая родина. Я поеду туда, куда ты пожелаешь: за сто лье от Франции, за тысячу лье от Франции! Но давай уедем отсюда!

– Дело в том, – ответил Камил, – что я и сам давно бы предложил тебе отправиться в путешествие в Италию или в Испанию, если бы не боялся того, что ты начнешь меня упрекать.

– Я стала бы тебя упрекать?

– Да. Пойми же меня. «Я долгое время прожил в Париже, мне особенно нечего больше здесь смотреть, – говорил я себе. – Но ведь моя бедная Долорес, как все девушки нашей страны, всегда так мечтала о том, чтобы увидеть Париж и умереть. Разве я могу так внезапно прервать ее сладкий сон?»

– Если тебя останавливали только эти деликатные соображения, Камил, ничто здесь нас больше не удерживает: я увидела в Париже все, что хотела увидеть.

– Что ж, хорошо, дорогая моя, – сказал Камил. – Давай уедем.

– И когда же?

– Когда пожелаешь.

– Тогда давай уедем завтра же.

– Как? – произнес американец с удивлением. – Завтра?

– Конечно. Ведь вас в Париже не удерживает ничто, кроме опасения разрушить мой прекрасный сон.

– Да, конечно, – сказал Камил. – Вы правильно сказали. Только для того, чтобы собрать наши чемоданы, нам потребуется много больше суток. Завтра! – повторил Камил. – А как же наши покупки, наши визиты, наши счета?

– Мои чемоданы уже уложены, покупки все сделаны, счета оплачены. Вчера я разослала во все дома, где нас принимали, карточки для того, чтобы проститься.

– Но ведь потребуется еще несколько дней для того, чтобы попрощаться со всеми друзьями.

– Прежде всего, Камил, у тебя такой характер, что ты не имеешь друзей, а только знакомых. Твоим самым близким знакомым был Лоредан. Вчера его убили, а сегодня его уже похоронили. Поэтому тебе в Париже проститься совершенно не с кем. А посему давай уедем завтра же.

– Но это же невозможно.

– Подумай, что ты говоришь, Камил.

– Да, невозможно. А что скажут мои поставщики, если я так поспешно уеду? Я буду походить на банкрота. Нет, я должен уехать, а не сбежать.

– Так сколько же тебе нужно времени на то, чтобы твой отъезд не был похож на бегство? Отвечай же!

– Да я не знаю...

– Трех дней будет достаточно?

– Честно говоря, дорогая моя, такая настойчивость с твоей стороны просто бессмысленна.

– Четыре дня, пять дней, шесть дней, – повторила дрожащим голосом молодая женщина, которая, казалось, достигла высшей степени гнева. – Этого достаточно?

– Ты все же настаиваешь? – спросил Камил, которого раздражение жены уже начало беспокоить.

– Настаиваю, ибо для меня это жизненно важный вопрос. Хорошо, пусть будет восемь дней, – решительно заявила госпожа де Розан. – Но знай, – добавила она, взглянув на ящичек стола, в котором лежали запертые на ключ пистолеты и кинжал, – знай, что я уже все для себя решила до того, как ты появился в этой комнате. И если через восемь дней мы не уедем, на девятый день ты, Камил, и я, мы предстанем перед Богом, и тогда каждый из нас ответит за свое поведение.

Молодая женщина произнесла эти слова столь решительно, что Камил не смог удержаться от того, чтобы не вздрогнуть.

– Хорошо, – сказал он, нахмутив брови, словно находясь во власти глубоких раздумий. – Хорошо. Через восемь дней мы уезжаем отсюда. И теперь я даю тебе честное слово.

И, забрав свои одежды, которые, как мы уже отметили, он бросил на кресло, он ушел в свою комнату, находившуюся рядом со спальней жены. Там, не отдавая себе отчета в своих поступках, он закрыл дверь на ключ и на задвижку.

Глава СXXXV

В которой Камил де Розан признает, что ему будет трудно убить Сальватора, как он обещал это Сюзанне де Вальженез

Мы помним, что за две главы до этого, расставаясь с мадемуазель Сюзанной де Вальженез, наш приятель Камил решил, что нашел простейший способ избавиться от Сальватора. Или, если вам это больше нравится, от Конрада, законного наследника богатства Вальженезов.

Но в этом противоречивом мире мало найти способ избавиться от того, кто тебе мешает: между замыслом и исполнением часто лежит непреодолимая пропасть.

Вследствие принятого им решения Камил де Розан отправился домой к Сальватору. Не застав его дома, он оставил свою визитную карточку.

На следующий день, после только что описанной нами семейной сцены, Сальватор под своим настоящим именем Конрада де Вальженеза явился к американскому дворянину.

Тот, слегка взволнованный, как обычно волнуются в решающий момент все люди, которые принимают поспешные решения, руководствуясь при этом скорее темпераментом, нежели разумом, велел слуге проводить гостя в салон и вскоре сам вышел к нему.

Но для того, чтобы лучше понять то, что за этим последует, расскажем, где побывал Сальватор до того, как прийти к Камилу.

Он до этого визита посетил свою кузину, мадемуазель Сюзанну де Вальженез.

На первую свою просьбу провести его к девушке он получил ответ, что мадемуазель де Вальженез никого не принимает.

Он стал настаивать и снова получил отказ.

Но наш друг Сальватор был терпелив и всегда добивался того, чего хотел.

Поэтому он взял вторую визитку и под своим именем «Конрад де Вальженез» подписал карандашом:

«Пришел для того, чтобы поговорить о наследстве».

Никогда еще ни одно волшебное слово, ни один заветный талисман не открывал с большей быстротой ворота замка, где жила фея. Его немедленно провели в салон, куда через несколько секунд вышла сама мадемуазель де Вальженез.

Отчаяние, в которое повергла ее потеря состояния, очень изменило ее облик: лицо ее было бледно-белым, щеки ввалились, глаза потухли. Она стала походить на тех прекрасных и нервных дочерей Маремма, чей мутный взгляд, казалось, плавает в неизвестном нам мире. Вызванная *малярией* дрожь ее тела перешла и на Сальватора. Когда она вошла в комнату, он невольно вздрогнул.

Отправляясь с визитом к кузине, Сальватор надел не просто светский костюм, но элегантный костюм для дневных визитов, как этого требовал неумолимый этикет.

При виде такого безупречного одеяния, такого красивого молодого человека в глазах девушки загорелся зловещий огонь и взор полыхнул молниями гнева и ненависти.

– Вы хотели поговорить со мной, мсье? – спросила она сухо и с некоторым оттенком высокомерного презрения.

– Да, кузина, – ответил Сальватор.

Мадемуазель де Вальженез поморщилась, услышав слово *кузина*, показавшееся ей оскорбительной фамильярностью.

– Что же вам может быть от меня нужно? – продолжила она все тем же тоном.

– Я пришел переговорить с вами, – снова заговорил Сальватор, на которого высокомерное выражение лица и тон речи мадемуазель де Вальженез, казалось, не производили ни малейшего впечатления, – о том положении, в котором вы оказались вследствие смерти вашего брата.

– Значит, вы хотите поговорить со мной по поводу наследства?..

– Вы ведь понимаете всю важность этого вопроса, не так ли?

– Насколько мне кажется, вы претендуете на все наследство?

– Я не претендую, так оно и есть на самом деле.

– Это все только слова. Мы будем судиться.

– Слова, действительно, мало что значат, – сказал Сальватор. – Но судиться – слишком дорогое удовольствие. И вы, кузина, судиться со мной не станете.

– И кто же помешает мне обратиться в суд? Уж не вы ли?

– Упаси господь!

– Так кто же тогда?

– Ваш разум, ваш здравый смысл, а особенно ваш нотариус.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что вчера вы уже приглашали к себе вашего нотариуса, который одновременно является и моим, мсье Баратто. Это такой милый человек! И вы рассказали ему все о состоянии ваших дел. Узнав о том, что у вас нет больше ни гроша, вы спросили его совета. И он посоветовал вам не подавать в суд, поскольку имеющееся у меня завещание составлено так, что его не сможет оспорить ни один суд.

– Я посоветуюсь еще с моим доверенным.

– Сцилла даст вам ничуть не лучший совет, чем Харибда.

– Так что же вам в таком случае нужно, мсье? Я не понимаю цели вашего визита. Если только в ваши замыслы не входит перенести на женщину ту ненависть, которую вы питали к ее брату.

Сальватор нежно и грустно покачал головой.

– Я ни к кому не испытываю никакой ненависти, – сказал он. – Не испытывал я ненависти даже к Лоредану. Так как же я могу перенести ее на вас? Достаточно было одного только слова, чтобы сблизить вашего брата и меня. Слово это было малозначительно, но этим словом была *совесть*, а он так и не смог его произнести. Так вот: я пришел вовсе не для того, чтобы браниться с вами. Я далек от этого. Если вы пожелаете выслушать меня, то увидите, что сердце, которое, по-вашему, наполнено ненавистью, полно самого уважительного сострадания к вам.

– Я покорнейше благодарю вас за ваше любезное сострадание, дорогой мсье, но женщины моей породы не опускаются до того, чтобы просить милостыню. Они предпочитают смерть.

– Соболаговолите все же выслушать меня, – почтительно произнес Сальватор.

– Да, я понимаю, вы сейчас предложите мне пенсион для пропитания для того, чтобы в свете не говорили, что вы позволили своей родственнице умереть в приюте.

– Я ничего не собираюсь вам предлагать, – ответил Сальватор, пропуская мимо ушей оскорбительный выпад девушки. – Я пришел сюда для того, чтобы справиться, не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь, имея желание и надежду удовлетворить ваши потребности.

– В таком случае прошу вас объясниться, – продолжила Сюзанна с удивлением. – Я совсем не понимаю, к чему вы клоните.

– Однако же все очень просто. Сколько вы лично тратите в год? Другими словами, какая вам необходима сумма для того, чтобы безбедно жить? Или скажем так: сколько вам нужно в год денег для того, чтобы продолжать жить так, как вы жили до этого?

– Понятия не имею, – сказала мадемуазель де Вальженез. – Я никогда не интересовалась такими подробностями.

– В таком случае я сам скажу вам это, – снова заговорил Сальватор. – Когда ваш брат был жив, вы тратили на двоих по сто тысяч франков в год.

– Сто тысяч франков! – воскликнула удивленная девушка.

– Итак, я полагаю, что из этой суммы на вашу долю приходилась примерно третья часть. Таким образом, вам нужны от тридцати до тридцати пяти тысяч франков в год.

– Но, мсье, – прервала его Сюзанна, приходя в еще большее изумление. Но на сей раз причина его была совсем другой, поскольку она подумала о том, что коли кузен решил почему-то обогатить ее, она сможет отправиться путешествовать с Камилом. – Но, мсье, я едва ли смогу потратить такую сумму денег.

– Возможно, – сказал Сальватор. – Но год на год не приходится. Поэтому, в предвидении плохих времен, я назначаю вам содержание в пятьдесят тысяч франков в год. Капитал будет храниться у мэтра Баратто, а вы будете получать деньги или ежемесячно, или ежеквартально, как вам будет угодно. Кажется ли вам подобное предложение приемлемым?

– Но, мсье, – заговорила Сюзанна, покраснев от радости, – допустим, я соглашусь. Но мне надо знать, по какому праву я получаю подобный подарок.

– Что касается ваших прав, мадемуазель, – с улыбкой ответил Сальватор, – то, как я уже имел честь сообщить вам, вы не имеете никаких прав.

– Я хотела спросить, в качестве кого я буду получать эти деньги? – живо поправилась девушка.

– В качестве племянницы моего отца, мадемуазель, – серьезным голосом произнес Сальватор. – Так вы согласны?

Когда были произнесены слова, так четко выразившие это предложение, в голове девушки стали роиться тысячи мыслей. Она начала смутно понимать, что стоявший перед ней человек был из породы людей, которые стоят гораздо выше тех, кого она до сих пор знала и к которым относилась сама. Что эти создания, действиями которых, вне сомнения, руководил сам Господь и которым был дан дар творения добрых дел, были посланы на землю для того, чтобы исправлять зло, творимое низшими существами. Она увидела словно сквозь туман грез розовые горизонты долины любви. И вся предыдущая ее жизнь, легкомысленная и неясная, какой она была до смерти брата, мрачная, нервная и болезненная, какой она стала в последние три дня, вдруг заиграла всеми цветами радуги. Лицо ее освежилось тысячами нежных, как летний ветерок, надежд, а сердце оказалось во власти пьянящей радости. И когда она подняла на Сальватора свой взгляд, в глазах ее светилась живая признательность.

До самого последнего момента она глядела на него только с ненавистью. Теперь же, взглянув с признательностью, она не смогла подавить в себе восхищения: она нашла, что он красив, очарователен, великолепен. И она без колебаний выразила ему свое восхищение. Не словами, так взглядом.

Сальватор же, казалось, вовсе не замечал, какое впечатление он произвел на девушку. И снова спросил все тем же серьезным тоном:

– Так вы принимаете мое предложение, кузина?

– С самой большой благодарностью, – ответила мадемуазель де Вальженез взволнованным голосом, протягивая обе руки молодому человеку.

Но тот поклонился и сделал шаг назад, собираясь уйти.

– Я немедленно отправлюсь, мадемуазель, – сказал он, – к мэтру Баррато и составлю документ, по которому вы становитесь наследницей миллионного состояния. Завтра же вы сможете получить деньги за первое полугодие.

– Кузен! – воскликнула она, останавливая его самым нежным голосом. – Конрад! Неужели вы меня ненавидите?

– Мадемуазель, – с улыбкой проговорил Сальватор, – повторяю вам, я ни к кому не испытываю ненависти.

– Неужели, Конрад, – продолжала Сюзанна, стараясь придать голосу и лицу выражение самой нежной привязанности, – вы забыли о том, что мы провели вместе часть нашей жизни, детство и юность? Что у нас с вами общее прошлое, что мы носим одно имя, что в наших жилах течет одна кровь?

– Нет, Сюзанна, я ничего не забыл, – грустно произнес Сальватор. – Я помню даже те планы, которые строили для нас наши отцы. Нет, именно потому, что я все это помню, я и пришел сегодня к вам.

– Неужели вы говорите правду, Конрад?

– Я никогда не вру.

– Но неужели в таком случае вы полагаете, что вы все сделали для племянницы вашего отца, обеспечив, даже столь щедро, ее материальное положение? Я же осталась в этом мире одна, Конрад. Одна, начиная с этого дня. У меня нет больше ни родных, ни друзей, ни покровителей.

– Это вас Бог наказал, – серьезным тоном произнес молодой человек.

– О! Вы суровы до жестокости!

– Разве вы не можете себя ни в чем упрекнуть, Сюзанна?

– Нет, ни в чем серьезном, Конрад. Если только вы не считаете серьезными грехами девичью кокетливость или женские капризы.

– Так, значит, это из-за кокетливости или из каприза, – торжественным тоном заговорил Конрад, – вы приняли участие в том постыдном деянии, результатом которого стало похищение молоденькой девушки из вашего пансиона! И это похищение было произведено вашим братом на ваших глазах и при вашем содействии! И вы полагаете, что Господь не накажет когда-нибудь за подобный каприз? Так вот, Сюзанна, день расплаты наступил. Бог наказывает вас одиночеством, тем, что вы оказались без друзей и родных. Наказание это суровое, но заслуженное. А значит, и справедливое.

Мадемуазель де Вальженез опустила голову, лицо ее залила краска стыда.

Но секунду спустя она медленно подняла лицо и произнесла, словно подбирая нужные слова:

– Итак, вы, самый близкий и единственный мой родственник, вы не только отказываете мне в дружбе, но и в поддержке. Но я ведь не являюсь неисправимой грешницей, Конрад. Поверьте мне, в глубине души я не такая уж плохая. И, возможно, с вашей помощью я смогла бы исправить свою ошибку. Ошибку, безусловно, ужасную, но которую можно понять, а может быть, и изменить, если узнать причину ее. На совершение этого плохого поступка меня толкнула любовь к брату. Где сейчас эта девушка? Я могла бы упасть ей в ноги и попросить у нее прощения. Она была сиротой и не имела ни гроша за душой. Я могла бы оставить ее при себе, сделалась бы ее подругой, сестрой. Я дала бы ей приданое и выдала бы ее замуж. А для того, чтобы забыть те немногие годы, которые я прожила неправильно, я могла бы посвятить свою жизнь творению добра. Но для этого я прошу вас простить меня, помочь мне, поддержать меня.

– Слишком поздно, – сказал Сальватор.

– Конрад, – продолжала девушка. – Не будьте же архангелом-мстителем. Я часто слышала, как Сальватора называли добрым человеком. Не будьте же столь суровым, как Господь, вы ведь всего-навсего его творение. Протяните же руку тому, кто умоляет вас помочь. И не толкайте кающегося грешника в пропасть. Если вы не способны проникнуться ко мне чувством дружбы, имейте хотя бы сострадание, Конрад. Мы с вами еще достаточно молоды, а значит, не все еще потеряно. Изучите меня, испытайте меня, и если я в служении добру

приложу тот же пыл, с которым служила злу, вы увидите, Конрад, какие сокровища преданности и искренней привязанности может хранить сердце, не познавшее еще добра.

– Слишком поздно! – с грустью повторил Сальватор. – Сюзанна, в мире морали я – нечто вроде врача. Я взял на себя обязанности перевязывать и лечить людей, которые ранены современным обществом. Время, которое я провел с вами, украдено у моих больных. А посему позвольте мне вернуться к ним и забудьте о том, что вы меня видели.

– Нет! – упрямо вскричала девушка. – Я не могу потом упрекать себя в недостаточной настойчивости... Умоляю вас, Конрад, попытайтесь стать моим другом.

– Никогда! – с горечью произнес молодой человек.

– Пусть так, – прошептала Сюзанна, сдерживая жест разочарования. – Но поскольку мне неизвестно, почему вдруг вам захотелось сделать меня обязанной, не хотите ли вы сделать так, чтобы я стала полностью вам обязанной?

– Почему я это делаю, я вам уже объяснил, Сюзанна, – сурово ответил Сальватор. – Клянусь Богом, что это именно так. Что же до того, чтобы сделать вас обязанной мне в том смысле, в котором вы говорите, то я только этого и желаю. Хотя и не понимаю, что вы конкретно хотите. Может быть, надо заплатить вам содержание за год вперед?

– Я хочу уехать из Парижа, – ответила Сюзанна. – И не только из Парижа, а из Европы. Я хочу жить в одиночестве где-нибудь в Америке или в Азии. Мне надоел высший свет. Поэтому я и хочу иметь все деньги, которые вы соизволили мне подарить.

– Где бы вы ни были, Сюзанна, ваши деньги будут вам вручены. На этот счет можете не беспокоиться.

– Нет, – сказала Сюзанна с некоторым колебанием. – Мне нужны все мои деньги. Я увезу их с собой для того, чтобы никто не узнал, где я обоснуюсь.

– Если я вас правильно понял, Сюзанна, вы просите все ваши деньги, то есть весь миллион?

– Вы ведь сами только что сказали, что он находится у мсье Баррато, разве не так?

– Да, так, Сюзанна. И когда же вы хотите получить ваш миллион?

– Как можно скорее.

– Когда вы планируете уехать?

– Если смогу, то сегодня же.

– Сегодня уже слишком поздно, такой суммы не достать.

– Так когда же?

– Через сутки, самое большее.

– Значит, завтра в это же время, – сказала мадемуазель де Вальженез со светящимися от счастья глазами, – я смогу уехать, увозя с собой миллион?

– Завтра, в это же самое время.

– О Конрад! – воскликнула девушка в каком-то влюбленном экстазе. – Ну почему мы не встретились на правильном пути?! Какой бы я была вам женой! Какой пылкой любовью я бы вас окружила!..

– Прощайте, кузина, – сказал Сальватор, не желая слушать продолжение. – Пусть же Господь простит вас за то зло, которое вы натворили, и пусть отвратит он вас от совершения зла, которое, вы, возможно, задумали.

Мадемуазель де Вальженез невольно вздрогнула.

– Прощайте, Конрад, – сказала она, не решаясь взглянуть ему в глаза. – Желаю вам счастья, которого вы заслуживаете. И, что бы ни случилось, я никогда не забуду того, что за четверть часа общения с вами я вновь стала честной женщиной с добрым сердцем.

Сальватор поклонился мадемуазель де Вальженез и отправился, как мы уже сказали в начале главы, к Камилу де Розану.

– Мсье, – сказал он вошедшему в салон американцу. – Дома я нашел вашу визитную карточку и теперь пришел узнать, чем я обязан вашему посещению.

– Мсье, – ответил Камил, – ведь это вас зовут Конрад де Вальженез?

– Да, мсье.

– Вы, следовательно, доводите кузеном мадемуазель де Вальженез?

– Так оно и есть.

– Так вот, мсье, целью моего к вам визита было узнать от вас, поскольку вы, как я слышал, являетесь прямым наследником, каковы ваши планы относительно мадемуазель Сюзанны?

– Я охотно отвечу вам, мсье. Но прежде всего позвольте узнать, по какому праву вы задаете мне этот вопрос. Разве вы являетесь представителем интересов моей кузины, ее доверенным или же ее советником? И относительно чего вы желаете меня спросить? О ее правах или же о моих чувствах к ней?

– И о том, и о другом.

– Значит, дорогой мсье, вы являетесь одновременно ее родственником и доверенным лицом?

– Ни тем, ни другим. Я был близким другом Лоредана и полагаю, что этого вполне достаточно для того, чтобы иметь право поинтересоваться дальнейшей судьбой его сестры, которая осталась круглой сиротой.

– Отлично, дорогой мсье... Вы, значит, были близким другом господина де Вальженеза. Но тогда почему же вы обращаетесь ко мне? Ведь я был его смертным врагом.

– Потому что у нее нет родных кроме вас.

– Так значит, вы обращаетесь к моему милосердию?

– Да, к вашему милосердию, если вам так нравится.

– В таком случае, мсье, почему вы разговариваете со мной в таком тоне? Почему вы так возбуждены, нервничаете и дрожите? Человек, который исполняет такую благородную обязанность, которую вы на себя взяли в настоящий момент, не должен так смущаться, как вы. Доброе дело выполняется хладнокровно. Что с вами?

– Мсье, мы здесь не для того, чтобы обсуждать мой темперамент.

– Разумеется. Но мы здесь для того, чтобы обсудить интересы отсутствующего здесь лица. И поэтому мы должны говорить спокойно. Короче говоря, о чем именно вы имеете честь меня спросить?

– Я спрашиваю вас, – с яростью произнес Камил, – что вы намерены предпринять в отношении мадемуазель де Вальженез?

– Имею честь ответить вам, дорогой мсье, что это касается только моей кузины и меня.

– Другими словами – вы отказываетесь отвечать?

– Действительно отказываюсь. Именно это я и хотел вам сказать.

– В таком случае, мсье, поскольку я говорю от имени брата мадемуазель де Вальженез, я расцениваю ваш отказ как отсутствие у вас сердца.

– Что поделать, дорогой мсье! Мое сердце не набито тем же самым, что ваше сердце.

– Я, мсье, если бы меня спросил об этом друг, рассказал бы все откровенно. И не заставил бы его беспокоиться по поводу судьбы сиротки.

– Так почему же в таком случае вы, дорогой мсье, оставили Коломбана в беспокойстве относительно судьбы Кармелиты? – спросил Сальватор.

Американец побледнел и вздрогнул: он попробовал было оцарапать, а его укусили.

– Все, кому не лень, будут досаждают мне этим именем Коломбан! – вскричал в ярости Камил. – Ладно же! Вы заплатите за всех, – продолжил он, угрожающе глядя на Сальватора, – и дадите мне удовлетворение.

Сальватор улыбнулся, как улыбается могучий дуб, видя волнение тростника.

– Значит, небу угодно, чтобы я дал вам удовлетворение! – прошептал он, презрительно намекая на вызов Камила.

Но тот, потеряв голову, устремился к нему с явно агрессивными намерениями. А Сальватор с тем же самым энергичным спокойствием, с каким он действовал уже в трех или четырех случаях на протяжении нашего повествования, схватил занесенную для удара руку Камила, с силой сжал ее и, заставив американца сделать два шага назад, то есть занять ту же позицию, в которой тот был до своего порыва, сказал:

– Вы же сами видите, дорогой мсье, что вам не хватает хладнокровия.

Тут в комнату вошел слуга, державший в руке письмо, которое только что принес запыхавшийся посыльный.

Камил вначале бросил письмо на стол. Но по настоянию слуги снова взял его в руки и, извинившись перед Сальватором, прочел следующее:

«Конрад только что был у меня. Мы были к нему несправедливы. Это – благородное и великодушное сердце. Он дает мне миллион. Спешу сказать вам, что все шаги, которые вы могли бы предпринять в отношении его, отныне бессмысленны. Поэтому поскорее укладывайте чемоданы: вначале мы отправимся в Гавер. Отправляемся завтра в три часа.

Ваша Сюзанна».

– Скажите, что я все понял, – бросил Камил слуге. Затем он разорвал письмо на мелкие клочки и бросил их в камин. – Мсье Конрад, – добавил он, подняв голову и направляясь к Сальватору, – я прошу вас простить меня за мои странные речи. Единственным оправданием их может быть моя дружба с Лореданом. Мадемуазель де Вальженез только что рассказала мне о вашем братском к ней отношении. И мне остается лишь выразить вам мое сожаление относительно моего поведения.

– Прощайте, дорогой мсье, – сурово произнес Сальватор. – А для того, чтобы мой визит не был бесполезным, хочу дать вам один совет: остерегайтесь разбивать сердце женщин. Не у всех них такая же ангельская покорность, как у Кармелиты.

И, кивнув Камилу, Сальватор ушел, оставив молодого американца в смущении по поводу только что произошедшей сцены.

Глава СXXXVI Господин Тартюф

Все архиепископы смертны. Этого никто отрицать не станет. Во всяком случае, мы только высказываем ту мысль, которая привела в такое сильное волнение монсеньора Колетти в тот самый день, когда он узнал от господина Рапта о том, что Парижский архиепископ господин де Келен серьезно болен.

Сразу же после ухода господина Рапта монсеньор Колетти велел закладывать карету и помчался к лечащему врачу монсеньора. Тот подтвердил сказанное господином Раптом, и монсеньор Колетти вернулся в свой особняк с сердцем, наполненным неизъяснимого блаженства.

Именно в этот самый момент он сформулировал в голове замечательную мысль о том, что все архиепископы смертны. И мысль эта, высказанная господином де Лапалиссом, разожгла радость многих, а в устах монсеньора Колетти приобрела малорадостное значение смертного приговора.

Во время последовавших за выборами волнений монсеньор Колетти ездил лично и не менее трех раз в неделю посылал слугу во дворец архиепископа для того, чтобы справиться о состоянии здоровья больного прелата.

Лихорадка день ото дня становилась все более сильной, и надежды монсеньора Колетти возрастали по мере того, как поднималась температура тела монсеньора Келена.

Пока продолжалась болезнь, настал день, когда для того, чтоб вознаградить господина Рапта за его действия по наведению порядка на улицах, правительство сделало мужа Регины пэром Франции и фельдмаршалом.

Монсеньор Колетти немедленно отправился к господину Рапту и, под предлогом выражения своих поздравлений, поинтересовался, не получил ли тот из Рима каких-нибудь сведений относительно его назначения.

Папа римский ответа еще не прислал.

Прошло несколько дней. И вот однажды утром, подъезжая к Тюильри, монсеньор Колетти, к своему огромному удивлению и бесконечному огорчению, увидел карету архиепископа, въезжавшую во двор дворца одновременно с его каретой.

Он быстро опустил стекло и, высунув голову из кареты, стал издали всматриваться в карету архиепископа, желая убедиться, не показалось ли ему все это.

Со своей стороны, и монсеньор де Келен, узнав карету монсеньора Колетти, сделал то же самое. И, высунув голову из окошка, он узнал епископа в тот же самый момент, когда епископ узнал его.

Выражение лица монсеньора Колетти вовсе не огорчило монсеньора де Келена. Но здоровый цвет лица монсеньора де Келена глубоко огорчил монсеньора Колетти.

Так пожелала судьба: *sic fata voluerunt*¹. Приезд в Тюильри архиепископа означал конец всем честолубивым планам: возведение монсеньора Колетти в сан архиепископа утонуло в реке или же откладывалось на неопределенное время.

Прелаты сошлись и после взаимных приветствий поднялись по лестнице, которая вела в королевские покои.

Аудиенция у короля была непродолжительной. По крайней мере для монсеньора Колетти, который видел, что на щеках и в глазах архиепископа играли лучи здоровья.

¹ *Sic fata voluerunt* (лат.) – так было угодно судьбе. (Прим. изд.)

Монсеньор Колетти почтительно поклонился королю и, под предлогом того, что тому надо было переговорить с глазу на глаз с монсеньором де Келеном, покинул дворец и помчался во весь опор к графу Рапту.

Хотя новоиспеченный пэр Франции и был великолепным артистом, он с большим трудом смог скрыть то огромное неудовольствие, которое причинял ему визит монсеньора Колетти. Тот заметил нахмуренные брови графа, но, казалось, не придавал этому значения и ничуть не удивился. И почтительно поприветствовал графа, который заставил себя ответить таким же поклоном.

Усевшись, епископ некоторое время молчал. Казалось, он собирался с мыслями, размышлял и взвешивал слова, которые собирался произнести. Господин Рапт тоже хранил молчание. И так умело, что они не успели обмолвиться ни единым словом, когда Бордье, секретарь господина Рапта, вошел в комнату и вручил графу письмо. После чего он вышел из комнаты.

– Вот письмо, которое пришло очень кстати, – произнес пэр Франции, показывая епископу штемпель и конверт.

– Оно пришло из Рима, – сказал, покраснев от удовольствия, монсеньор Колетти, в буквальном смысле пожирая письмо глазами.

– Так оно и есть, монсеньор, оно пришло из Рима, – сказал граф. – И если судить по штемпелю, – добавил он, поворачивая конверт, – то от самого папы римского.

Епископ осенил себя крестом, а господин Рапт незаметно усмехнулся.

– Позвольте, я прочту письмо от нашего святого отца? – спросил он.

– Пожалуйста, пожалуйста, господин граф, – торопливо сказал епископ.

Господин Рапт распечатал письмо и быстро пробежал его глазами. В это время монсеньор Колетти, глядя на святейшее послание горящими глазами, находился во власти лихорадочного ожидания, испытывая те же чувства, которые овладевают подсудимыми во время оглашения приговора.

Или оттого, что письмо было очень длинным или труднопонятным, или же оттого, что пэр Франции решил доставить себе удовольствие в продлении волнения епископа, но господин Рапт так долго оставался погруженным в чтение, что монсеньор Колетти не удержался от замечания.

– Почерк Его Святейшества очень неразборчив? – спросил он, чтобы начать разговор.

– Да нет, уверяю вас, – ответил граф Рапт, протягивая ему письмо. – Прочтите сами.

Епископ жадно схватил письмо и прочел его единым махом. Оно было коротким, но очень выразительным. Это был отказ. Отказ категорический, явный и прямой человеку, чей образ жизни вызвал суровые нарекания Римского двора.

Монсеньор Колетти побледнел и пробормотал, возвращая письмо графу:

– Господин граф, не будет ли с моей стороны непомерной просьба помочь мне в этой неудачно сложившейся обстановке?

– Не понимаю вас, монсеньор.

– Меня явно оговорили.

– Возможно.

– Меня оболгали.

– Может быть.

– Кто-то злоупотребил доверием Его Святейшества для того, чтобы опорочить меня в его глазах.

– Я тоже так думаю.

– Так вот, господин граф, я имею честь просить вас использовать все ваше влияние, а оно безмерно, для того, чтобы вернуть мне расположение Рима.

– Это невозможно, – сухо ответил пэр Франции.

– Для такого гениального человека, как вы, нет ничего невозможного, господин граф, – возразил епископ.

– Такой гениальный человек, как я, монсеньор, что бы ни случилось, никогда не станет связываться с Римским двором.

– Даже когда речь идет о друге?

– Даже когда речь идет о друге.

– Даже для того, чтобы спасти невинного?

– Невинность уже сама по себе спасение, монсеньор!

– Значит, – сказал епископ, вставая и с ненавистью глядя на графа, – вы полагаете, что ничем не можете мне помочь?

– Я не полагаю, монсеньор, я это утверждаю.

– Одним словом, вы категорически отказываетесь вступить за меня?

– Категорически, монсеньор.

– Так вы хотите ссоры со мной?

– Я не хочу ее, но и не боюсь, монсеньор. Я согласен на все и жду.

– До скорого свидания, господин граф! – сказал епископ и выскочил из комнаты.

– Как вам будет угодно, монсеньор, – с улыбкой сказал граф.

– Что ж, ты сам этого захотел, – глухо прошипел епископ, угрожающе посмотрев на павильон графа.

И вышел на улицу, полный желчи и ненависти. В голове его уже роились тысячи планов отмщения своему врагу.

Прибыв к себе, он уже имел готовый план действий: он придумал, как отомстить графу. Войдя в свой рабочий кабинет, он достал из ящика стола какой-то документ и быстро развернул его.

Это было письменное обещание графа Рапта, данное им накануне выборов, сделать монсеньора Колетти архиепископом в том случае, если граф станет министром.

Перечитав этот документ, монсеньор Колетти улыбнулся дьявольской улыбкой. Если бы Гёте увидел эту улыбку, он решил бы, что в этого человека переселилась душа его Мефистофеля. Епископ сложил письмо, сунул его в карман, быстро спустился по лестнице, сел в карету и велел кучеру отвезти его в военное министерство, где он попросил аудиенции у маршала де Ламот-Удана.

Через несколько минут слуга объявил епископу, что маршал ожидает его.

Маршал де Ламот-Удан не был, к сожалению, столь же искусным дипломатом, каким был его зять. И уж совсем не мог соревноваться в хитрости с таким искусственным лицемером, как монсеньор Колетти. Но он обладал одним качеством, которое заменяло лицемерие и хитрость. Его ловкостью была откровенность, а сила заключалась в прямоте. Епископа он знал только как исповедника и духовного наставника своей жены. И абсолютно ничего не знал о его политико-религиозных интригах, о его тайных происках, о его ставших всеобщим достоянием поступках и словах. Поскольку его беспредельная честность, делавшая его открытым к добру, закрывала душу перед злом.

Поэтому он принял епископа как священника, ответственного за столь большую драгоценность, какой была совесть его жены. Уважительно поклонившись и предложив кресло, он знаком попросил епископа сесть.

– Прошу вас простить меня, господин маршал, – произнес епископ, – за то, что я отрываю вас от серьезных занятий.

– Мне слишком редко удается увидеться с вами, монсеньор, – ответил маршал, – чтобы я не поторопился использовать такую возможность, когда она мне представляется. Какому счастливому случаю я обязан счастьем видеть вас у себя?

– Господин маршал, – сказал епископ, – я – честный человек.

- Я в этом и не сомневаюсь, монсеньор.
- Я никогда никому не причинял зла и не хотел бы делать этого в будущем.
- Я в этом уверен.
- Все мои поступки говорят о том, что я жил честно и праведно.
- Вы – исповедник моей супруги, монсеньор. Что я могу к этому добавить?
- И именно потому, что я являюсь исповедником мадам де Ламот-Удан, я и пришел к вам, господин маршал, для того, чтобы попросить вас об услуге.
- Слушаю вас, монсеньор.
- Что бы вы сказали, господин маршал, если бы вдруг узнали о том, что духовник вашей добродетельной супруги является злым и достойным ненависти человеком? Существом без чести и совести, заговорщиком, замешанным в самых ужасных беззакониях?
- Не понимаю вас, монсеньор.
- Что бы вы сказали, если бы перед вами сидел сейчас самый извращенный, самый бессовестный, самый опасный во всем христианском мире грешник?
- Я сказал бы ему, монсеньор, что ему не место рядом с моей женой. А если бы он заупрямился, я лично выставил бы его за дверь.
- Так вот, господин маршал, тот человек, о котором я вам говорю, не являясь законченным интриганом, хотя его в этом и обвиняют, пришел к вам, самому воплощению честности и порядочности, для того, чтобы добиться справедливости.
- Если я правильно вас понял, монсеньор, это именно вас обвиняют в неизвестных мне грехах, и вы обращаетесь ко мне для того, чтобы я добился вашего оправдания. К несчастью, монсеньор, и к моему глубочайшему сожалению, я ничем не могу вам помочь. Если бы вы были человеком военным, тогда другое дело. Но поскольку вы священнослужитель, то вам следует обратиться к министру по делам религий.
- Вы не поняли меня, господин маршал.
- В таком случае объяснитесь.
- Меня обвинил и оговорил перед святым отцом один из членов вашей семьи.
- Кто же это?
- Ваш зять.
- Граф Рапт?
- Да, господин маршал.
- Но какая может существовать связь между вами и графом Раптом? И зачем бы ему нужно было клеветать на вас?
- Вы ведь знаете, господин маршал, какое огромное влияние имеет духовенство на состояние умов буржуазии?
- Да! – прошептал маршал де Ламот-Удан тоном, который говорил: «Увы! Я слишком хорошо это знаю!»
- Накануне выборов, – продолжал епископ, духовенство, используя доверие, которым оно пользуется у общественного мнения, помогло провести в собрание кандидатов Его Величества. Одним из священнослужителей, чья безупречная жизнь более, чем заслуги, позволила повлиять на результаты выборов в Париже, являлся я, Ваша Светлость, ваш покорный слуга, испытывающий к вам уважение и преданность...
- И все же я не могу понять, – сказал маршал, начинавший уже проявлять признаки нетерпения, – какая связь между клеветой на вас, выборами и моим зятем?
- Самая непосредственная, прямая, господин маршал. Дело в том, что накануне выборов господин граф Рапт пришел ко мне и предложил мне в случае если я помогу ему на выборах, должность архиепископа Парижского, если болезнь монсеньора архиепископа закончится смертью, или же любое другое архиепископство, если монсеньор поправится.

– Фи! – сказал маршал с отвращением. – Какое гнусное предложение, какая недостойная сделка!

– Именно так я и подумал, господин маршал, – торопливо произнес епископ. – И поэтому позволил себе сурово отчитать господина графа.

– И правильно сделали! – живо произнес маршал.

– Но господин граф был настойчив, – продолжал епископ. – Он объяснил мне, и небездоказательно, что редко встречаются люди столь же талантливые и преданные. Что Его Величеству приходится бороться с многочисленными и упорными врагами. И, – скромно продолжил монсеньор Колетти, – предложив мне должность архиепископа, он заявил, что руководствуется только одной целью: дать мне возможность оживить религиозные чувства, которые день ото дня притупляются. Таковы были его собственные слова, господин маршал.

– И что же последовало за этим недостойным предложением?

– Очень недостойным, вы правы, господин маршал. Но оно еще более недостойно по форме, чем по содержанию. Поскольку, увы, гидра свободы и впрямь поднимает голову. И если сейчас не принять надлежащих мер, через год она отравит общественное сознание. Таким образом я был вынужден принять предложение господина графа.

– Если я вас правильно понял, – сурово произнес маршал, – мой зять взял на себя обязательство добиться вашего назначения архиепископом, а вы дали ему слово сделать его депутатом?

– В интересах неба и государства, господин маршал.

– Что ж, господин аббат, – снова промолвил маршал. – Когда вы вошли сюда, у меня было свое мнение относительно морального облика графа Рапта...

– Не сомневаюсь в этом, Ваше Превосходительство, – прервал его епископ.

– А когда вы отсюда уйдете, господин аббат, – продолжил маршал, – у меня будет собственное мнение относительно вас.

– Господин маршал! – яростно воскликнул монсеньор Колетти.

– В чем дело? – спросил маршал высокомерным тоном.

– Прошу Ваше Превосходительство простить мне мое удивление, но, входя сюда, я, признаюсь, вовсе не думал, что все произойдет именно так.

– А что, по-вашему, может произойти, господин аббат?

– Ваше Превосходительство, вы ведь прекрасно это знаете. Если Ваше Превосходительство не приложит все силы для того, чтобы вернуть мне милость святого отца, перед которым я был очернен господином графом Раптом, я буду вынужден предать гласности письменные доказательства подлости господина графа. И не думаю, что вы, господин маршал, будете очень рады тому, что ваше благородное имя станет фигурировать в столь скандальном деле.

– Объясните все поподробнее, пожалуйста.

– Прочтите вот это, Ваше Превосходительство, – сказал епископ, доставая из кармана письмо господина Рапта и протягивая его маршалу.

Когда старик прочел письмо, лицо его налилось кровью.

– Заберите, – сказал он с отвращением. – Теперь мне все ясно, и я понял, о чем именно вы пришли меня просить.

Повернувшись, он дернул за шнур звонка.

– Уходите, – сказал он. – И благодарите Господа Бога за то, что вас защищают ваши одежды и то место, где мы сейчас находимся.

– Ваше Превосходительство! – яростно воскликнул епископ.

– Молчите! – властно произнес маршал. – И послушайте хороший совет, который я вам дам, чтобы вы не теряли напрасно ваше время. Не приближайтесь больше к моей супруге.

Другими словами, я не желаю вас больше видеть в особняке Ламот-Уданов. Потому что там вас ждет не несчастье, а позор.

Монсеньор Колетти собрался было что-то сказать в ответ. Глаза его сверкали, лицо покраснело. Он хотел было обрушить на маршала весь свой гнев, но тут появился слуга.

– Проводите монсеньора, – сказал маршал.

– Ты сам этого пожелал, – злобно прошептал монсеньор Колетти, выходя от маршала де Ламот-Удана. Точно так же, как шипел, уходя от графа Рапта.

Но улыбка его вечером была еще злобнее, чем утром.

– К мадам де Латурнель! – крикнул он кучеру.

Через четверть часа он уже сидел в будуаре маркизы, которая после двухчасового отсутствия дома должна была вернуться с минуты на минуту.

Этого времени епископу хватило для того, чтобы разработать план кампании.

Это был настоящий план боевых действий. Никогда еще ни один завоеватель не готовился с такой тщательностью и с таким коварством к захвату города. В исходе битвы он был уверен, но сам бой был труден. С какой стороны следовало напасть? Каким оружием воспользоваться? Рассказать маркизе о той сцене, которая произошла у него с графом Раптом, было нельзя: если бы пришлось выбирать между ним и графом, выбор маркизы был однозначен. Епископу это было прекрасно известно, поскольку ему были известны как ее честолюбие, так и ее набожность. И второе казалось ему более развитым, чем первое.

Не мог он и рассказать ей о своем разговоре с маршалом де Ламот-Уданом. Это значило бы восстановить против себя самого влиятельного члена ее семьи. И все-таки надо было действовать, и как можно скорее! Честолюбие может подождать, но мщений откладывать нельзя! А сердце епископа было полно жаждой мщения.

Так он и продолжал находиться в своих раздумьях, когда в комнату вошла маркиза.

– Вот уж не думала, монсеньор, – сказала маркиза, – что буду иметь честь видеть вас сегодня. Какой счастливый случай привел вас ко мне?

– Это мой почти что прощальный визит, маркиза, – ответил монсеньор Колетти, вставая и прикладываясь скорее с притворной нежностью, чем с уважением к руке набожной дамы.

– Что вы такое говорите? Прощальный визит? – воскликнула маркиза, на которую эти слова произвели почти такое же действие, как объявление о конце света.

– Увы! Это так, маркиза, – грустно произнес епископ. – Я уезжаю. По крайней мере в скором будущем.

– И надолго? – со страхом в голосе спросила госпожа де Латурнель.

– Как знать, дорогая маркиза! Может быть, и навсегда. Разве человек может сказать, когда вернется?

– Но вы никогда не говорили мне, что собираетесь куда-то ехать.

– Я знаю вас, дорогая маркиза. Мне известны ваши доброжелательность и нежность, которые вы ко мне питаете. И поэтому я подумал, что, скрывая от вас до последнего момента известие о моем отъезде, я смогу уменьшить горечь разлуки. Если я был неправ, прошу меня за это простить.

– Да какова же причина вашего отъезда? – спросила, покраснев, госпожа де Латурнель. – И какова его цель?

– Причина, – слащавым тоном произнес епископ, – это любовь к ближнему. А цель – триумф веры.

– Вы уезжаете миссионером?

– Да, маркиза.

– Далеко ли?

– В Китай.

Маркиза испустила крик ужаса.

– Вы правы, – грустно сказала она. – В таком случае вы, вероятно, уезжаете навсегда.
– Так надо, маркиза! – воскликнул епископ с той торжественной набожностью, с которой Петр Отшельник всегда произносил: «Этого хочет Господь».

– Увы! – вздохнула госпожа де Латурнель.

– Не расстраивайте меня, дорогая маркиза, – сказал епископ, изображая глубокое волнение. – Сердце мое и так уже разрывается, когда я думаю о том, что покидаю таких верных христиан, как вы.

– И когда же вы уезжаете, монсеньор? – спросила госпожа де Латурнель, придя в необычайное возбуждение.

– Вероятно, завтра. Крайний срок – послезавтра. Таким образом, как я уже имел честь вам сказать, этот мой визит является как бы прощальным. Я говорю как бы прощальным, потому что у меня есть к вам поручение и я не могу уехать с удовлетворением в сердце до тех пор, пока оно не будет выполнено.

– Что вы хотите этим сказать, монсеньор? Вы ведь знаете, что, кроме меня, у вас нет более покорной и преданной служанки.

– Я знаю это, маркиза, и именно поэтому хочу поручить вам дело очень большой важности.

– Говорите же, монсеньор.

– Собираясь уезжать, я беспокоюсь по поводу тех душ, которые Господу было угодно поручить мне для наставления на путь истинный.

– Увы! – прошептала маркиза.

– Дело вовсе не в том, что нет больше людей, достойных того, чтобы направлять моих агнцев, – продолжал епископ. – Есть некоторые души, которые, перед лицом того или иного предписанного мною правила поведения, являющегося источником блаженства в будущем, могут сбиться с пути истинного, разволноваться, обеспокоиться отсутствием их пастора. И, думая о судьбе верных своих послушниц, я, естественно, в первую очередь, подумал о самой верной из них. Я подумал о вас, маркиза.

– Иного я не ждала от вашей милости и от вашей доброты, монсеньор.

– Я долго и тщательно думал над тем, кого же оставить при вас своим заместителем. И выбрал человека, который достаточно известен. Если мой выбор вам не нравится, скажите мне немедленно, маркиза. Я рекомендую вам человека набожного и благодетельного: аббата Букемона.

– Лучшего выбора вы сделать не могли, монсеньор. Аббат Букемон самый добродетельный и благочестивый после вас человек, которого я знаю.

Этот комплимент, и это было видно, не очень порадовал монсеньора Колетти, который не терпел соперников в добродетели.

Он продолжил:

– Значит, маркиза, вы согласны, чтобы господин аббат Букемон стал вашим наставником?

– Полностью согласна, монсеньор. И горячо благодарю вас за такую нежную заботу о душе вашей покорной слуги.

– Но есть и еще один человек, маркиза, которому мой выбор понравится, возможно, гораздо менее, чем вам.

– Кого вы имеете в виду?

– Графиню Рапт. Вот уже несколько недель я вижу, что ее вера погасла, стала какой-то пассивной. Эта молодая женщина с улыбкой стоит на краю пропасти. Одному только Богу известно, кто сможет ее спасти!

– Я попробую сделать это, монсеньор, хотя, скажу по совести, сомневаюсь в успехе. Душа ее зачерствела, и только чудо может ее спасти. Но я использую все мое влияние на

нее. А если мне это не удастся, то поверьте мне, монсеньор, это произойдет не по причине недостаточной моей преданности нашей святой вере.

– Я знаю вашу набожность и ваше усердие, маркиза. И если я обращаю ваше внимание на бедственное положение этой души, то лишь потому, что мне известна ваша преданность нашей Святой Матери-Церкви. И поэтому я хочу дать вам возможность предоставить мне новое доказательство этого и поручаю вам очень деликатное задание огромной важности. Что же касается графини Рапт, действуйте и говорите так, как подскажет вам ваше сердце. А если потерпите неудачу, пусть Господь простит эту грешницу. Однако же есть еще одно лицо, у которого вы пользуетесь большим доверием. И именно к нему я прошу вас проявить заботу и внимание.

– Вы имеете в виду принцессу Рину, монсеньор?

– Действительно, именно жену маршала де Ламот-Удана я и хочу поручить вашим заботам. Я не виделся с ней целых два дня. Но при нашей последней встрече я нашел ее такой бледной, такой инертной, такой болезненной, что мне показалось, если я не ошибаюсь, что тело ее находится во власти смертельной болезни и что очень скоро душа ее вознесется к Богу.

– Принцесса тяжело больна, вы правильно заметили, монсеньор. Но она не хочет обращаться к врачу.

– Я знаю. И именно поэтому, не боясь ошибиться, я предполагаю, что очень скоро душа принцессы покинет брентную оболочку тела. Но меня приводит в ужас состояние ее души! Кому доверить ее в столь ответственный момент? Все ее окружение, за исключением вас, маркиза, разрушает все, что мы с вами сделали для спасения ее души. Поскольку она сейчас не оказывает никакого сопротивления, не проявляет воли, не имеет сил, на нее могут надавить. И кто знает, что могут сделать злобные люди с этим бедным созданием?

– Над принцессой никто не имеет власти, – продолжила госпожа де Латурнель. – Ее безразличие и ее слабость являются гарантией ее спасения. Мы сможем заставить ее говорить и делать все, что нужно.

– Вы, маркиза, возможно. Может быть, и я тоже. Но поскольку ее можно будет заставить говорить и делать все, что угодно, она ведь может по чьему-либо совету сделать и недоброе дело.

– У кого же хватит смелости, или скорее подлости посоветовать ей дурное? – спросила маркиза.

– У того, кто имеет наибольшее влияние на ее разум. Потому что перед ним ее сознание странным образом затемняется. Одним словом, это ее муж, маршал де Ламот-Удан.

– Но мой брат никогда и не думал что-то менять в сознании своей супруги.

– Вы ошибаетесь, маркиза. Он мучит ее, относится с насилием, сеет в ее мозгу семена безбожия. Это бедное создание получило тысячи ран. Поверьте мне, если мы не примем надлежащих мер, он прикончит ее.

– Будь эти слова произнесены кем-то другим, а не вами, монсеньор, я ни за что бы в это не поверила.

– Именно он произнес их, и именно поэтому я в это поверил... Я только что от него. У нас был бурный разговор, во время которого он открыл мне свое отношение к вере и удивил меня своим отношением к законам. Но это было только начало разговора. А знаете ли вы, каков был его результат? Высказав много такого, чего никак нельзя было ожидать от столь почтенного человека, маршал, не поверите, строжайше запретил мне заботиться о состоянии души принцессы!

– Боже милостивый! – воскликнула маркиза в ужасе.

– Вас это огорчает, маркиза?

– Это наполняет меня болью, – ответила богомолка.

– Отсюда-то, – продолжал епископ, – и вытекает та благородная задача, которую я хочу перед вами поставить, дорогая маркиза: надо освободить эту душу из-под ига мужа! Вы должны любой ценой, даже пожертвовав собой, спасти попавшее в беду создание. Я рассчитывал на вас, моя милая послушница. И смею надеяться, что не ошибся в своих ожиданиях?

– Монсеньор! – вскричала маркиза, находясь в состоянии сильнейшей экзальтации. – Не более чем через четверть часа я увижусь с маршалом, и, клянусь Богом, не пройдет и часа, как я уговорю маршала и заставлю его встать перед вами на колени в позе покорности и раскаяния.

– Вы не поняли меня, маркиза, – снова заговорил епископ, уже начиная нервничать. – Маршал здесь вовсе ни при чем. И прошу вас не говорить ему ни слова из того, о чем мы с вами сейчас говорим, не делать даже намека. Мне извинения маршала не нужны. Я уже давно знаю, как относиться к людской кичливости и людскому гневу. Я уезжаю. И перед отъездом прощаю его!

– Святой человек! – прошептала взволнованно маркиза, и глаза ее наполнились слезами.

– Единственно, о чем я вас прошу, – продолжал монсеньор Колетти, – так это о том, чтобы до моего отъезда заботы об этой несчастной душе были переданы в надежные руки. Другими словами, я умоляю вас, дорогая маркиза, немедленно отправиться к супруге маршала де Ламот-Удана и уговорить ее принять в качестве духовника моего преемника, почтенного аббата Букемона. Я буду иметь удовольствие увидеться с ним сегодня же вечером и дам ему все необходимые указания на этот счет.

– И часу не пройдет, – сказала маркиза, – как принцесса Рина согласится, чтобы аббат Букемон стал ее новым пастырем. Я проинформировала бы вас об этом и через четверть часа, если бы не ждала визита этого достопочтенного аббата.

Не успела она закончить фразу, как на пороге будуара появилась горничная, объявившая о приходе аббата Букемона.

– Пригласите господина аббата, – сказала маркиза радостным голосом.

Горничная ушла и через секунду появилась в сопровождении аббата Букемона.

Его немедленно ввели в курс дела: рассказали об отъезде монсеньора и о том, что жене маршала де Ламот-Удана потребуется новый духовник.

Аббат Букемон, не смеявший даже надеяться на то, что выбор падет именно на него, не сумел скрыть своей радости, узнав, что ему выпала такая честь. Получить доступ в столь известную семью и в роскошный особняк Ламот-Уданов! Быть духовником этого благородного семейства! Какая удача! Достойный аббат и надеяться не смел на такое. И поэтому, когда ему объявили о его счастье, он словно взлетел на небеса.

Маркиза де Латурнель попросила у священнослужителей разрешения отлучиться на минутку и ушла в свою уборную, оставив их с глазу на глаз.

– Господин аббат, – сказал епископ. – Я обещал вам вознаградить при случае по заслугам ваши достоинства. Этот случай теперь представился. Все остальное зависит только от вас.

– Монсеньор, – воскликнул аббат. – Можете быть уверены в вечной признательности вашего преданного слуги.

– Именно ваша преданность в данный момент и требуется, господин аббат. Но не мне лично, а делу нашей святой веры. Я назначаю вас на свое место вершителем судьбы одного человека и смею надеяться, что вы будете поступать так, как поступил бы я на вашем месте.

Эти слова, произнесенные несколько более, чем надо, торжественным голосом, оставили тень сомнения в мозгу недоверчивого по природе аббата Букемона.

Он посмотрел на епископа взглядом, в котором явственно читалось: «Чего же он, черт побери, от меня хочет? Надо быть настороже».

Архиепископ, не менее недоверчивый, чем его собрат, догадался о сомнениях аббата и немногими словами постарался их рассеять.

– Вы большой грешник, господин аббат, – сказал он. – И, предлагая вам столь славную должность, я даю вам возможность исправить ваши самые тяжкие грехи. Духовное наставничество госпожи маркизы де Ламот-Удан для религии является одним из самых полезных и самых плодотворных деяний. Следовательно, от того, как вы будете его осуществлять, зависит и ваше положение. Через три дня я уеду. Для всех – в Китай. Вы один будете знать, что я еду в Рим. Именно туда вы будете направлять письма, в которых со всеми возможными подробностями будете описывать ваши впечатления о состоянии души жены маршала и о положении вещей.

– Но, монсеньор, – возразил аббат, – каким образом я смогу воздействовать на сознание госпожи маршалши? Я не имею чести знать ее лично, только понаслышке, и мне будет трудно действовать в том смысле, в котором вам бы хотелось.

– Господин аббат, посмотрите мне в глаза, – сказал епископ.

Аббат поднял голову. Но смог глядеть на епископа только искоса.

– Будете ли вы мне преданы или же нет, господин аббат, – сурово произнес монсеньор Колетти, – это не имеет ни малейшего значения! Я уже давно знаком с людской неблагодарностью. Важно лишь то, чтобы вы хранили по отношению ко мне внешнюю преданность, то есть преданность глухую и слепую. Вы должны будете исполнять мою волю, быть орудием для воплощения в жизнь моих замыслов. Чувствуете ли вы в себе смелость, несмотря на вашу гордыню (а она в вас велика), пассивно подчиняться мне? Заметьте, это было бы в ваших интересах. Ваши прошлые грехи будут прощены только при этом условии.

Аббат собрался уже было отвечать.

Епископ остановил его.

– Подумайте, прежде чем отвечать, – сказал он ему. – Поймите, какое вы берете на себя обязательство, и отвечайте только в том случае, если находите в себе силы сдержать данное мне обещание.

– Я пойду туда, куда вы мне прикажете, монсеньор, и буду делать то, что вы скажете, – уверенным голосом ответил аббат Букемон после минутного размышления.

– Отлично! – сказал епископ, вставая. – Увидевшись с женой маршала де Ламот-Удана, немедленно приезжайте ко мне. Я дам вам надлежащие инструкции.

– Которые я клянусь выполнять так, чтобы вы были всецело довольны, монсеньор, – сказал с поклоном аббат.

В этот момент в комнате вновь появилась маркиза. Почтительно поклонившись епископу, она повлекла аббата в дом маршала де Ламот-Удана.

Глава СXXXVII

В которой мы находим принцессу Рину там, где мы с ней расстались

Вы, вероятно, помните, а если нет, то мы нижайше просим вас вспомнить, дорогие читатели, ту восхитительную жительницу Северного Кавказа, которую мы в общих чертах обрисовали и которую вы некоторое время видели, принцессу Рину Чувадиевскую, жену маршала де Ламот-Удана, которая, лениво вытянувшись в сумерках ночи на мягких подушках своей оттоманки, проводила все дни напролет в мечтах, питаясь, подобно пери, лепестками роз и задумчиво перебирая свои ароматные четки.

На голубом небосводе Парижа, где ее муж, маршал де Ламот-Удан, являл собой одну из крупнейших планет, принцесса Чувадиевская была едва видна. Как нежная, смутная, расплывчатая, почти всегда затянутая облаками звездочка, неразличимая для невооруженного глаза парижан.

О ней после ее приезда долгое время говорили в высшем обществе. Но говорили, как о жителях фантастической страны, как говорят о духах или эльфах, о джиннах или домовых.

И напрасно все стремились ее увидеть: она нигде не бывала. Ее никто нигде не видел вблизи. Все видели только ее тень. Даже скорее не видели, а догадывались, что это была она.

Естественно, тысячи самых невероятных и странных слухов ходили о ней, о ее апартаментах. Но слухи эти, похожие на сказки, не были основаны на каких-либо фактах. А следовательно, будучи безосновательными, были лживыми, придуманными для своего удовольствия всё отрицающими и завистливыми салонными сплетниками.

Оговоримся сразу же, что отзвуки этих злых сплетен не доходили даже до порога молчаливого дворца принцессы, закрывшейся или, лучше сказать, замуровавшей в своем будуаре и не выходявшей из него ни для того, чтобы подышать свежим воздухом, ни для того, чтобы развеяться.

Поскольку она ничего не сказала и ничего не сделала такого, что могли бы подметить другие, она не слышала и того, что эти другие о ней говорили.

Она принимала очень немногих: мужа, его дочь, маркизу де Латурнель, монсеньора Колетти, своего духовника, и господина Рапта. Хотя визиты последнего становились все более редкими.

Помимо этих визитов она жила в абсолютном одиночестве, словно растение, окруженное четырьмя-пятью кустарниками, которые не давали упасть на нее животворному свету и теплу, не давали проникнуть к ней ни аромату, ни живительному ветерку. Можно было подумать, что она не глядела ни вокруг себя, ни наружу, а только над собой.

Ее глаза, словно взор ее души, то есть ее мысли, казалось, тонули в безоблачных пространствах высоких сфер. Куда бы она ни бросила свой взгляд, она, казалось, видела то, что хотела, как бы далеко это ни было для других. Она презрительно забывала о существовании земли, раскрывала свои крылья и улетала бог знает куда! Еще выше неба, в неизведанные миры!

Одним словом, это была женщина вялая, безразличная ко всему, мечтательная и склонная к созерцанию. Она жила мечтами, которые длились до самой ее смерти, и она готова была в любой момент умереть, оставаясь во власти своих мечтаний. Ничто в жизни ее не удерживало, но все манило в потусторонний мир. Господь мог призвать ее к себе в любую минуту, и она с удовольствием откликнулась бы на его призыв, поскольку уже давно была к этому готова. И ответила бы она точно так же, как сказал траппер из «Могикан» Купера в момент своей смерти: «Вот он я, Господи! Что вы от меня хотите?»

Если, кроме того, наши дорогие читатели захотят вспомнить о том, что эта молодая, благородная и очаровательная принцесса являлась потомком старого ханского рода, то есть отпрыском самого древнего семейства, и о том, что вышла она замуж за маршала де Ламот-Удана вопреки своей воле, когда никто не пожелал спросить ее согласия, а для того, чтобы доставить удовольствие императору России и императору Франции, то станет понятным, что маршал де Ламот-Удан, преждевременно состарившийся под палящим солнцем на полях битв, вовсе не был человеком, который мог бы стать воплощением мечты девушки, обладавшей пылкой натурой и темпераментом.

Но именно так захотели боги.

Кстати, мы напоминаем вам обо всех этих подробностях только лишь потому, что длительность нашего повествования заставляет иногда наших читателей позабыть о действующих лицах книги. И читатель может легко забыть те персонажи, которые в ней появляются снова.

Итак, такова была принцесса Рина, когда к ней пришел Граф Рапт, этот молодой красавец-мужчина, в глазах которого горела смелость, которая вполне могла быть принята женщиной за страсть, сумел оживить уже засохшее сердце и посеять в нем надежду на счастье.

Принцессе на мгновение привиделась любовь, эта земля обетованная всех женщин, и она с радостью отправилась с ним в сладостное паломничество. Но на полпути к вершине она поняла, с каким спутником ей приходится иметь дело. Она быстро поняла всю чванливость, честолюбие, холодность, эгоизм графа. Граф Рапт оказался для нее вторым мужем, но менее добрым, менее благородным, менее терпимым и даже более тираничным, чем ее первый муж.

Рождение Регины породило на некоторое время искорку жизни в пепле затухшего сердца. Но это продлилось не дольше всполоха молнии. Первый поцелуй маршала де Ламот-Удана в головку ребенка заставил мать вздрогнуть всем телом. Вся ее душа возмутилась против этого. И, начиная с этого момента, бедняжка Регина стала ей не то чтобы ненавистна, но, во всяком случае, безразлична.

Рождение маленькой Абей, последовавшее через несколько лет после этого, произвело на принцессу такое же действие. Сердце ее навсегда закрылось.

Вот в чем истинная причина ее затворничества: это был продолжительный акт раскаяния, раскаяния внутреннего, молчаливого, раскаяния без ропота и сожаления.

Единственным человеком, посвященным в тайну этой гибнущей души, был монсеньор Колетти. Ему одному она призналась в своих грехах, и только он один понял всю ее немую боль.

Чтобы показать, до чего она дошла в своей бесчувственности, нам достаточно будет признаться читателю в том, что она только вздрогнула в душе при известии о женитьбе графа Рапта на дочери, без того чтобы противостоять доводам, которые привел ей граф, чтобы уменьшить величину своего преступления.

В этой покорности было нечто от мусульманской фатальности.

Начиная с этого момента ее тело, отвечая состоянию ее души, начало день ото дня увядать. Она не говорила ни слова, не высказывала ни единой жалобы. Она чувствовала, что умирает, и мысль о смерти производила на нее только то действие, что она начала вспоминать о своей жизни.

Именно в таком состоянии она и находилась, когда маршал де Ламот-Удан запретил монсеньору Колетти бывать у них дома. Хотя лет ей было не так и много, но черные волосы уже стали совершенно седыми, а лоб, щеки, подбородок – все лицо ее было таким же белым, как и волосы. Можно было сказать, что это было не лицо, а маска, которая является предвестницей близкой смерти.

Поскольку она ни на что не жаловалась, никто о ней и не беспокоился. Кроме Регины, которая дважды присылала к ней своего врача. Но принцесса оба раза наотрез отказалась от его посещения. Что у ней была за болезнь? Этого никто сказать не мог, поскольку ничего не знал. Для того, чтобы объяснить ее состояние, используем народное слово и скажем так: она *чахла*. Словно здание, которое вдруг разрушается до самого основания без видимой на то причины. Словно одна из африканских пальм, которая засыхает на глазах из-за недостатка воды и свежего ветра.

Находясь в таком состоянии духа, принцесса Рина как бы не принадлежала уже больше этой земле и просила только одного: чтобы ей дали возможность спокойно прожить последние дни и поскорее умереть.

Но маркиза де Латурнель, а вернее, монсеньор Колетти полагали иначе.

Когда после запрещения прелату появляться в особняке Ламот-Уданов и замены духовника, произведенной монсеньором Колетти, – подобно убегающим парфьянам, посылавшим назад отравленную стрелу, – маркиза явилась к принцессе в сопровождении аббата Букемона, та трижды отказывалась принять его, говоря, что молится и не хочет, чтобы ей мешали. Но маркиза была не из тех, от кого можно было так просто отделаться. Указав аббату кресло, она села и сказала горничной:

– Что ж, в таком случае я подожду, пока принцесса закончит молиться.

Таким образом бедной принцессе пришлось волей-неволей принять маркизу и ее спутника.

– Я пришла сообщить вам очень печальное известие, – сказала маркиза самым огорченным тоном.

Принцесса, лежа на шезлонге, даже головы не повернула в ее сторону.

Маркиза продолжала:

– Эта новость вас очень огорчит, дорогая сестра.

Принцесса не шелохнулась.

– Монсеньор Колетти покидает Францию, – продолжала богомольная маркиза тоном отчаяния. – Он едет в Китай.

Услышав столь печальное известие, принцесса испытала такое же волнение, как если бы какой-нибудь прохожий сказал ей: «Погода скоро переменится!»

– Полагаю, что вы испытываете такое же огорчение, какое охватывает всех верующих, узнавших о том, что этот святой человек покидает нас, и, быть может, навсегда. Поскольку в диких краях Китая жизнь этого мученика может оборваться в любую минуту.

Принцесса ничего не ответила. Она только медленно и совершенно безразлично кивнула головой.

– Движимый отцовской заботой, – снова заговорила маркиза, ничуть не обескураженная поведением принцессы, – монсеньор Колетти подумал, что вам, как никогда раньше, потребуется его поддержка и что вам ее будет не хватать.

В этот момент принцесса начала лихорадочно перебирать четки. Казалось, она хотела перенести то нетерпение, которое вызывал у нее этот разговор, на первый попавший в ее руки предмет.

– Монсеньор Колетти, – навязчиво продолжала госпожа де Латурнель, – сам выбрал того, кто должен его заменить. Поэтому-то я и имею честь представить вам господина аббата Букемона, который имеет все достоинства для того, чтобы заменить святого человека, который нас покидает.

Аббат Букемон встал и со всей почтительностью поклонился принцессе. С почти-почтительностью, но без результата, поскольку вялая уроженка Северного Кавказа ограничилась только повторным безразличным кивком головы, не выразившим ни малейшего чувства.

Маркиза посмотрела на своего спутника и указала глазами на принцессу, словно говоря: «Какая идиотка!»

Аббат же набожно возвел очи горе с видом человека, говорившего: «Сохрани ее, Господь!»

После этого религиозного действия он снова сел, посчитав, что, поскольку принцесса все равно на него не смотрит, лучше было сидеть, чем оставаться стоять.

Однако же лицо маркизы начало краснеть от нетерпения. Она шагнула к оттоманке, села у ног принцессы и оказалась с ней лицом к лицу.

Затем пальцем подозвала аббата Букемона. Тот поднялся и встал рядом.

– Вот, – сказала госпожа де Латурнель, подталкивая к оттоманке аббата, – этот самый аббат Букемон. Соболаговолите сказать мне, принцесса, принимаете ли вы его в качестве своего духовника.

Уроженка Северного Кавказа медленно открыла глаза и увидела в двух шагах от себя вместо белого ангела своих снов человека в черном, который показался пришедшим за ней могильщиком.

Она вначале вздрогнула. Затем остановила на аббате свой взгляд и, вместо того чтобы снова вздрогнуть, улыбнулась. Но до чего же горькой и грустной была эта улыбка! «Смерть не такая уж безобразная!» – означала эта улыбка.

И все же она продолжала хранить молчание.

– Так да или нет, принцесса? – вскричала маркиза, чье раздражение достигло пределов. – Согласны ли вы, чтобы господин аббат Букемон стал вашим исповедником вместо монсеньора Колетти?

– Да, – прошептала принцесса сдавленным голосом, словно хотела сказать: «Я согласна со всем, что вы предложите, лишь бы вы оба поскорее убрались отсюда и дали мне умереть спокойно».

Маркиза от удовольствия зарделась. Аббат Букемон решил, что настал момент для того, чтобы привлечь к себе словом внимание, которое принцесса не обратила на его пантомиму. И начал длинную проповедь, которую принцесса прослушала от начала до конца. Несомненно потому, что, слушая его, она его не слышала, а прислушивалась, как всегда, только к траурному песнопению, раздававшемуся в ее мозгу. Когда аббат замолчал, маркиза де Латурнель набожно перекрестилась, произнесла «Амен!», и шагнула к принцессе. А аббат Букемон отошел в сторону.

– Итак, ваша судьба, – сказала маркиза, искоса глядя на умирающую, – находится отныне в руках господина аббата. Говоря о вашей судьбе, я подразумеваю также и судьбу вашей семьи. Вы носите имя рода, который на протяжении многих веков был предметом почитания истинных христиан. Поэтому необходимо – ведь все мы смертны! – трепетно следить за тем, чтобы тот или иной поступок, который мы совершаем в жизни, не бросал, когда нас уже не будет, позорного пятна на светлую память наших предков. Господин аббат Букемон – человек благочестивый и добродетельный, от которого отныне зависит безупречная чистота чести нашей семьи. Соболаговолите же, принцесса, перед вашим уходом отблагодарить господина аббата Букемона за ту преданность, которую он проявляет, беря на себя столь сложную задачу.

– Спасибо! – коротко прошептала принцесса, не повернув головы.

– И помолитесь с ним! – продолжала возмущенная маркиза.

– Завтра! – так же безразлично ответила супруга маршала де Ламот-Удана.

– Пойдемте, господин аббат, – сказала маркиза де Латурнель с покрасневшим от гнева лицом. – Пока госпожа принцесса соболаговолит высказать вам достойные вас слова благодарности, примите от меня выражение самой глубокой признательности от ее имени.

Затем, сделав знак аббату, вывела его из комнаты, бросив сухо:

– Прощайте, принцесса.

– Прощайте, – ответила та тоном, в котором было совершенно невозможно услышать малейший оттенок раздражения.

Затем, подвинув к себе хрустальный кубок, в котором стояла ложка из позолоченного серебра, она стала вкушать варенье из лепестков роз.

Глава СXXXVIII

Парфянская стрела

Мы помним, что итальянский прелат назначил аббату Букемону встречу вечером того же дня.

Аббат застал епископа занятым последними приготовлениями к отъезду.

– Пройдите в кабинет, – сказал прелат. – Я сейчас к вам приду.

Аббат исполнил приказание.

Тут монсеньор Колетти спросил у слуги:

– Тот человек, которого я велел пригласить, по-прежнему находится в моей молельне?

– Да, монсеньор, – ответил слуга.

– Хорошо. Меня ни для кого нет дома. Кроме маркизы де Латурнель.

Слуга поклонился.

Монсеньор вошел в свою молельню.

Там стоял в углу худой и бледный человек с длинными волосами, имевший поразительное сходство с Базилем из *«Женитьбы Фигаро»* или с Пьерро из пантомимы.

Наши читатели, вероятно, забыли этот персонаж. Но нам достаточно будет двух слов для того, чтобы вы его вспомнили: это был фаворит дамы, сдающей напрокат стулья в церкви, один из подручных господина Жакаля по прозвищу «Длинный Овес», который, чудом уцелев во время волнений на улице Сен-Дени, с триумфом вернулся в отчий дом на Иерусалимской улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.